

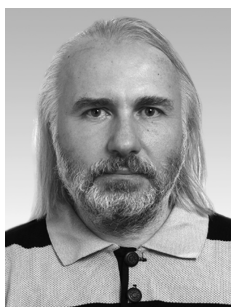
---

## *Интердисциплинарные исследования*

---

### **КРИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ: СОЦИЕТАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

**А.Б. ОРЛОВ, Н.А. ОРЛОВА**



Орлов Александр Борисович — профессор кафедры психологии личности факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, руководитель магистерской программы «Исследование, консультирование и психотерапия личности».  
Контакты: aorlov@hse.ru



Орлова Наталия Александровна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии факультета гуманитарных наук МФТИ, старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО.  
Контакты: n.orlova@newmail.ru

---

#### **Резюме**

*В статье представлен вариант психолого-социологической проекции предмета критической психологии, которым видится не человек как данность, но человек как процесс становления. Драма целостной субъектности человека рассмотрена в логике развития мира деятельности в материальном производстве. Задана исходная оппозиция в решении проблемы личности и деятельности.*

---

Традиционный психологический подход к этой проблеме противопоставлен деятельностному подходу, который, однако, реализуется в статье не в привычной логике филогенеза психики человека, но в логике ее социогенеза, предполагающей рассмотрение процесса становления современного мира деятельностей. Обсуждается противоположность статического и динамического (исторического) анализа мира деятельностей, рассматриваемого в качестве важнейшей детерминанты процессов развития и формирования личности. Представлены основные этапы становления материального производства: ремесло, мануфактура, машинное и автоматизированное производство. Показано, что данная эволюция материального производства неразрывно связана с распадом целостной трудовой деятельности человека, отчуждением человека от этой деятельности и расщеплением его жизнедеятельности на сферу труда и сферу досуга. Намечены основные тенденции в развитии мира деятельностей: генез труда и вытеснение человека из этого труда. Рассмотрены также две различные формы реализации этих противоречивых тенденций в современном мире: отчуждение труда и преодоление отчуждения труда как различные психолого-социологические условия личностного развития. Будущее мира деятельностей видится в сокращении рабочего времени в материальном производстве, в предоставлении людям возможностей для аутентичной реализации и интеграции их целостной субъектности в сфере свободного времени и тем самым намечается экзистенциальный и социальный выход из «кризиса» противостояния двух идеологических парадигм XX в.: «бесконечного тупика» капитализма или бесконечного возрождения «тупикового» социализма.

**Ключевые слова:** критическая психология, личность, деятельность, субъектность, деятельностный подход, мир профессий, отчуждение труда, свободное время, средний класс.

«Кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству, и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения».

*Карл Маркс*

«Наша наука не могла и не может развиваться в старом обществе. Владеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом».

*Лев Выготский*

### **Два аспекта проблемы соотношения личности и деятельности**

Для традиционной психологической науки процесс становления

(развития, формирования) личности человека имеет психолого-педагогическую природу и целиком относится к сфере духовного производства. В свое время А.Н. Леонтьев отмечал, что «традиционный психолог» остается

в пределах «психологического», даже изучение промышленной деятельности при этом сводится к исследованию «психических способностей», при этом упускается из виду, что «промышленная деятельность неотделима от порождаемых ее развитием общественных отношений людей» (Леонтьев, 1983, с. 318). Указанный разрыв между «интрапсихической» и «экстрапсихической» сферами изучения человека во многом сохраняется до настоящего времени (см., например: Dafermos, Margvakis, 2006).

Главный недостаток такой односторонней формулировки проблемы развития личности заключается в том, что личность рассматривается стоящей один на один с миром деятельностей и социальной средой, в которой она, по образному выражению Б.Ф. Ломова, как бы «прорывает свой собственный туннель» (Ломов, 1981, с. 5). Причиной этой робинзоны, на наш взгляд, является не столько доминировавший в советской психологии деятельностный подход к проблеме развития личности, сколько его недостаточно последовательное проведение: деятельностный анализ развития потреб-

ностных состояний на полюсе субъекта (личности) (см., например: Орлов, 1981) должен быть дополнен деятельностным анализом развития мира профессий на полюсе объекта. Эта же мысль отчетливо прослеживается в таком направлении современной психологии, как критическая психология<sup>1</sup>, которая во многом черпает свои базовые теоретические и методологические ориентиры в немецкой классической философии и трудах К. Маркса (см., например, о развитии критической психологии в США и Канаде: Sloan et al., 2006).

В современных критических исследованиях особо подчеркивается, что именно социальный контекст определяет интерпретации и самоинтерпретации человека, даже в случае таких, казалось бы, предельно субъективных явлений, как эмоции (Parker, 2006, p. 92), тем более это относится к такой социальной сфере, как область профессиональных деятельностей, профессий.

Поэтому задача данной статьи — показать, что рассмотрение развития мира профессий<sup>2</sup> позволяет выявить важнейшие тенденции процесса становления личности. Наш исходный

---

<sup>1</sup> На наш взгляд, этот главный тренд критической психологии удачно резюмирован высказыванием L. Bird «Contemporary critical work has begun to move away from the intense focus on the individual, acknowledging that such a focus misses not only the interactions amongst people in a group, but the complexities of lived culture and language» (Bird, 1999, p. 23).

<sup>2</sup> Мы рассматриваем понятия «мир профессий», «мир деятельностей», «мир трудовой деятельности» и «мир производства» как тождественные. При этом особое внимание мы уделяем (вслед за К. Марксом) развитию материального производства как наиболее стремительно меняющегося в последнее время. Важно отметить, что, хотя современный мир называется уже даже не «постиндустриальным», а «информационным», доля материального производства в сфере общего производства даже в развитых (а тем более в развивающихся) странах продолжает оставаться весьма значительной.

тезис заключается в том, что становление аутентичной личности, личностный рост или же, напротив, дезинтеграция и деградация целостности человека не сводятся исключительно к субъективным, внутренним процессам, но имеют отношение к внешнему миру, миру деятельности и социальных отношений.

Действительно, помимо того значения, который мир деятельности имеет для личности, он обладает рядом объективных характеристик, существующих независимо от тех психологических особенностей, которые в него привносит личность. И хотя творческое отношение возможно к любой деятельности, не каждая деятельность сама по себе является творческой (Кон, 1967, с. 301). В качестве примера такого несовпадения сути деятельности и отношения к ней можно привести описанный Николаем Гоголем образ титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина, главной чертой которого была склонность к переписыванию казенных бумаг: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнобразный и приятный мир» (Гоголь, 1975, с. 119).

На наш взгляд, этот пример хорошо иллюстрирует тезис о двух аспектах (субъективном и объективном) личностного развития. Данные аспекты представлены отношениями «личность — субъектность (субъективность)» и «личность — деятельность (объективность)». Эти два аспекта развития личности можно

показать и иначе, рассмотрев структуру мотивационного отношения, которое в логике теории деятельности (Леонтьев, 1983) характеризуется не только потребностным (субъективным) состоянием, но и тем мотивом (объективным содержанием деятельности), в котором данная потребность опредмечена; в психологическую характеристику потребности с необходимостью входит содержание ее предмета, мотива.

Следовательно, психологический анализ развития личности предполагает изучение содержания различных форм деятельности как потенциальных мотивов, в которых могут опредмечиваться потребности личности. Пластичность потребностей человека очень велика, поэтому парадоксальным образом за человеческим отношением к деятельности может скрываться деятельность, содержание которой лишено всего человеческого.

Итак, наряду с изучением собственно психологических (интрапсихических) условий личностного развития, необходим также анализ условий экстрапсихических и, прежде всего, того мира деятельности, который окружает человека всю его жизнь. Нельзя забывать, что когда человек овладевает содержанием деятельности, это содержание в свою очередь овладевает человеком. Поэтому столь важным представляется рассмотрение процессов интеграции/дезинтеграции личности внутри мира деятельности. Это и есть тот новый аспект проблемы личностного развития и роста, который, как правило, ускользает из поля зрения традиционного, догматического психолога, но который может быть разработан в

русле критической традиции, наследующей марксистский подход к пониманию сущностных сил человека (Асмолов, 1990, с. 40–42).

Мы позволим себе привести цитату из К. Маркса, чтобы акцентировать ту важность, которую он придавал развитию производства и его сущностной связи с судьбой человеческой субъектности: «...история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, — двигаясь в рамках отчуждения, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность только во всеобщем бытии человека, в религии, или даже в истории, в ее абстрактно-вещных формах политики, искусства, литературы и т.д. ...В обыкновенной, материальной промышленности (...вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т.е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения, опреде-

ченные — сущностные силы человека. Такая психология, для которой эта книга, т.е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой. Что вообще думать о такой науке, которая высокомерно абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином “потребность”, “обыденная потребность”?» (Маркс, Энгельс, 1974, с. 123).

Итак, если в подавляющем большинстве традиционных психологических исследований ставится задача выявить, как развитие личности (ее потребностей, мотивов, целей и смыслов) определяет выбор и развитие той или иной деятельности, то наша задача состоит в том, чтобы, подвергнув эту логику критике, обратить ее вспять и показать, как выбор и развитие той или иной деятельности определяют развитие личности<sup>3</sup>.

### **Мир деятельностей в статике и динамике**

Современное материальное производство невозможно без разделения труда, предполагающего существование относительно обособленных

---

<sup>3</sup> В данном отношении мы согласны с еще одним положением критической психологии: «A higher form of critique of Psychology is, thus, the promotion of the theoretical analysis of Psychology as a science beyond the limits of bourgeois society. Initially, the exploration of the theoretical armoury in a new, wider theoretical and methodological framework might serve as a starting point. A dialectical “sublation”, a transgression of Psychology’s (scientific and theoretical) categories and laws consists of the supreme kind of critical exploration of Psychology as a science» (Dafermos, Marvakis, 2006, p. 16).

и самостоятельных трудовых занятий — профессий (специальностей, рабочих постов и т.д.). Сегодняшний мир профессий — это более 40 000 обособленных видов труда. Эта пестрая картина мира труда постоянно обновляется. Так, по подсчетам социологов, во второй половине XX в. за десятилетие возникало более 5000 новых видов труда и исчезало почти столько же старых (Титма, 1975, с. 28).

Подобная динамика в пределах существующего мира профессий не меняет его в целом статичной картины, но исподволь накапливает изменения, приводящие к его действительным перестройкам. Мир профессий — это та совокупность видов труда, которую застаёт каждое очередное поколение людей, это тот набор профессий, из которого человек может (в принципе) сделать выбор. Мир профессий — это зеркальное отражение существующего в обществе разделения труда.

В такой статичной форме мир профессий является предметом особой науки о профессиях — профессиоведения, представляющего собой одну из составных частей традиционной профессиональной ориентации.

Родоначалник современной профессиональной ориентации американский филантроп профессор Ф. Парсонс, открывший в Бостоне в 1908 г. первое «Бюро по бесплатной подаче советов по части выбора профессии», был озабочен судьбами безработных подростков. Им стали подыскивать работу с учетом индивидуальных особенностей: знаний, вкусов, желаний, предпочтений и т.п. Чтобы выявить эти особенности, Ф. Пар-

сонс разработал анкету, содержащую более ста вопросов самого различного плана: от вопросов о содержании прочитанных книг до вопросов об особенностях зрения, слуха, осязания и т.п.

Цели традиционной профессиональной ориентации с предельной ясностью сформулировал О. Липман: «...подбор профессий [должен обслуживать интересы]: 1) ...всего народного хозяйства, содействуя привлечению рабочей силы к тем областям труда, в которых имеется недостаток в рабочих руках, и, наоборот, содействуя отвлечению рабочей силы от тех областей, в которых предложение труда превышает спрос. 2) ...работодателей, содействуя привлечению необходимой для их предприятий рабочей силы в требуемом количестве и требуемого качества. 3) ...трудящихся, содействуя выбору для них таких занятий, при которых они могли бы достигнуть возможно большего успеха» (Липман, 1923, с. 4).

В соответствии с такими целями смысл профориентационной работы сводится к манипуляции рабочей силой для воссоздания существующего типа производства и стоящей за ним социальной системы. При этом задачи развития личности оказываются объективно соподчиненными по отношению к задачам воспроизводства мира профессий. «Поставить подходящего человека на подходящее место — вот основа профориентации», — писал Э. Клапаред (Клапаред, 1925, с. 30).

Манипулятивная функция профориентации подчинила себе филантропические устремления отдельных исследователей и стала доминировать

уже в самых первых практических исследованиях в этой области. Целостность субъектности человека не интересовала работодателей и, в силу этого, специалистов по профориентации: главное внимание уделялось изучению таких частичных функций, как глазомер, внимание, кинестетические (тактильные и пр.) ощущения, утомляемость и т.п. Для измерения каждой из этих элементарных психических функций разрабатывались разнообразные технические устройства. Ф. Баумгартен, завершая большой обзор различных методик, выявляющих профпригодность, в свое время писала: «...психотехника, изучая способности людей, до сих пор совершенно упускает из виду сложный вопрос о любви к делу, интерес к работе» (Баумгартен, 1926, с. 145). Однако это упущение объясняется не столько сложностью данного вопроса, сколько отсутствием интереса к нему со стороны предпринимателей.

Итак, статичная картина мира профессий — это элемент традиционной профориентационной теории, созданной в своих основных чертах в начале XX в. Изменились ли основные положения этой теории? На этот вопрос, к сожалению, приходится ответить отрицательно. Вот что писала по этому поводу Ю.В. Укке: «...классическая модель Парсонса почти не изменилась по сей день. Консультанты-практики при планировании карьеры продолжают следовать трехступенчатой схеме: изучение консультируемого (или самоизучение), изучение профессий и понимание соотношения этих двух областей» (Укке, 1971, с. 172).

Даже в условиях возникшего еще в середине прошлого века интереса

психологов к личностным факторам профессионального самоопределения (теории Э. Гинзберга, Д. Сьюпера и др.) профориентация продолжает оставаться сличением человека и производства. Выступая против безличного психотехнического подхода традиционной профориентации и делая основной акцент на изучении «стадий профессиональной зрелости» личности человека, психологи сохраняют постулат о статичном характере производства. Так, в работах одного из видных представителей личностного направления в профориентации Д. Сьюпера используется утилитарная психотехническая методология, в которой человек является объектом манипулирования, адаптации и рационализации (Михайлов, 1975, с. 119).

Возможен ли иной подход к производству в его связи с процессами развития личности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть производство в динамике.

Статичной картине мира профессий можно противопоставить только процесс развития. Здесь важно, однако, определить, что мы будем подразумевать под таким развитием. Очевидно, что не всякое изменение в мире профессий следует понимать как развитие. Профессии могут возникать, изменяться, исчезать, но общий способ производства при этом может оставаться тем же самым, практически неизменным. Известно, что способ производства определяется в первую очередь особенностями технического и социального разделения труда. Иначе говоря, исторически сложившиеся отношения людей к продуктам и средствам труда, а также взаимоотношения людей в процессе

труда обуславливают качественную специфику способа производства и, следовательно, облик соответствующего этому способу мира профессий. Таким образом, процесс развития производства представляет собой череду переходов от одного способа производства к другому и проявляется как смена относительно стабильных, статичных картин мира профессий.

Динамический, или исторический, подход позволяет снять ограничения статичного подхода, показать прошлое и будущее мира профессий, понять основные тенденции в настоящем. Историческая заслуга выработки такого подхода к производству принадлежит К. Марксу. Именно он, анализируя историю развития капиталистического промышленного производства в первом томе «Капитала», дал в руки психологам «раскрытую книгу человеческих сущностных сил». Одна из центральных линий анализа в «Капитале» – рассмотрение сменяющих друг друга способов производства и, в частности, анализ содержания соответствующих этим способам профессиональных деятельностей.

Динамический подход к миру профессий дает возможность не только по-другому посмотреть на

этот мир, но и рассмотреть в исторической перспективе процесс развития личности (а также профессиональное самоопределение как его важнейший аспект). Более того, динамический подход ориентирован на изменение основных целей традиционной профессиональной ориентации, так как его последовательная реализация отодвигает на второй план проблему воспроизводства наличного способа производства и формирования адекватного этому производству «человеческого фактора». Напротив, на первый план выдвигается проблема расширенного воспроизводства наиболее прогрессивных элементов этой картины, тех «ростков нового», развитие которых обеспечивает со временем переход к новому способу производства и, следовательно, к новому способу развития личности человека.

Такое изменение целей традиционной (адаптивной) профориентации «трудовых ресурсов» может привести к преобразованию данной периферийной и прикладной (если не сказать утилитарной) отрасли психологии личности в важную область научного психологического знания, способную обозначить социальную перспективу<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Более общая постановка данного вопроса может быть сформулирована следующим образом: «We should work towards a different kind of psychology. If psychology and psychologisation, in their present form, are processes of regulation and administration of the constituted power and depoliticisation of resistance, the task is, then, to take it on and work for a kind of psychology that de-psychologises itself and aligns with radical politics. This will not be an alternative psychology, nor will it be a new radical discipline; on the contrary, it will be revolutionary psychology as a process, as a radical repertoire of action that aims at the disappearance of psychology in its present form. Where such effort is going to lead is impossible to say» (Mentitis, 2010, p. 234).



## Становление современного мира деятельностей

### *Ремесло и мануфактура*

Как известно, современному миру профессий и разделению труда предшествовал мир ремесел. Ремесленное производство представляло собой мир «независимых работ» (К. Маркс), основываясь на таком разделении труда, при котором каждый работник производил определенный товар от начала и до конца, потребляя, продавая или обменивая его на другой товар. Такой способ производства предполагал целостную трудовую деятельность и целостного работника.

Вместе с тем, сохраняя целостной отдельную профессиональную деятельность (кожевника, пекаря, золотых дел мастера и др.), мир ремесел предполагал крайнюю степень обособленности каждой профессии. В силу многих причин переход человека из одной профессии в другую был практически невозможен. Прежде всего, профессиональная подготовка (ученичество) начиналась очень рано, и в ходе нее человек постепенно все более и более «вращался» в определенную профессиональную деятельность, овладевал секретами своего ремесла, которые к тому же ревностно оберегались законами цеха. Недаром, как отмечал К. Маркс, «...вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались... тайнами, в глубины которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 497). Второй причиной чрезвычайной обособленности отдельных ремесел, также коренящейся в особенностях самой трудовой дея-

тельности ремесленника, была личная собственность на средства производства: инструмент, материал, различные технические приспособления, сама мастерская были собственностью ремесленника, который «срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной» (там же, с. 377). И наконец, вырастающие на основе способа производства сословия и соответствующие морально-юридические нормы также прикрепляли ремесленника к определенной профессии, подчас независимо от его личных желаний, интересов и склонностей. Таким образом, целостная профессиональная деятельность ремесленника, с одной стороны, формировала целостного работника и давала определенный простор его инициативе и творчеству, с другой – создавала для него очень ограниченную сферу жизни: «Сапожник, знай свои колодки!» — это изречение К. Маркс называл вершиной ремесленной мудрости. Поэтому образ жизни ремесленника был, по словам Ф. Энгельса, «романтичным и уютным, но все же недостойным человека» (Маркс, Энгельс, 1955а, с. 345).

Развитие ремесел в условиях товарно-денежных отношений привело к возникновению нового способа производства — мануфактуры. Однако мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Все принципы, на которых основывалась мануфактура (неограниченное число работников в одной мастерской, переход средств производства в частную собственность владельца мануфактуры и т.п.), находились в прямом противоречии с уставами ремесленных цехов. Более того,

мануфактурное производство поразило основной «жизненный нерв» ремесленного производства — целостность деятельности ремесленника, оно расщепило ее на отдельные составные элементы и приковало рабочего к выполнению одной частичной операции. Мир ремесел, который можно назвать миром целостных «независимых работ», сменился миром частичных операций, «целостный» работник уступил место «частичному» работнику.

Расщепление профессиональной деятельности ремесленника на отдельные операции достигло со временем невиданного размаха. Работа, которую ранее выполнял подчас всего один человек, распределилась между десятками рабочих. Так, в мануфактуре по производству иглолок «проволока проходит через руки 72 или даже 92 специфических частичных рабочих» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 356). Такое разделение труда представляло собой распад профессиональных деятельностей (профессий), в результате которого возникли обособленные трудовые операции (специальности), закреплявшиеся за отдельными рабочими. Это давало возможность значительно повысить производительность труда, выдерживать конкуренцию с ремеслами и, в конечном счете, обеспечить победу нового, капиталистического способа производства.

Лишая рабочего непосредственного участия в создании целостного продукта труда (товара), капиталистический способ производства порождает отчужденный или наемный труд — «последнюю рабскую форму» человеческой деятельности (Маркс, Энгельс, 1969, с. 263). При

этом трудовая деятельность как жизнедеятельность рабочего превращается только в средство к существованию. Специализация в сочетании с отчужденным характером труда образует питательную почву для телесной и духовной «промышленной патологии» в среде рабочих.

Наряду с этими психологическими последствиями, связанными с изменением отношения рабочего к средствам, продукту и процессу труда и вызванными переходом от мира ремесел к миру специализированных трудовых действий и операций, мануфактура вырабатывает важные технологические предпосылки промышленного переворота. Мануфактурное производство, которое можно назвать вивисекцией *in vivo* целостной профессиональной деятельности ремесленника, совлекает с ремесел покров таинственности, освещая ярким светом мельчайшие трудовые операции и соответствующие им инструменты, материалы и приспособления, раскрывая секреты ремесел. Усиливающаяся специализация труда приводит к такому упрощению трудовых операций и вместе с тем к такому развитию орудий труда, которое становится исходной предпосылкой для создания различных машин и, следовательно, для перехода к новому способу производства.

### *Фабричное (машинное) производство*

С началом применения машин рабочий утрачивает власть над важным моментом трудовой деятельности — над орудием труда. Функции, которые в машинном производстве

выполняет рабочий (контроль, предохранение машин от поломок и т.п.), очень просты, но вместе с тем очень бедны по своему содержанию. Таким образом, становление машинного производства освобождает не рабочего от труда, но его труд от всякого содержания. Это приводит к дальнейшему распаду целостной профессиональной деятельности: мир ремесел, преобразовавшийся в мир частичных трудовых операций, с внедрением машин превращается в мир рабочей силы.

Действительно, использование машин, лишаящее труд всякой самостоятельности и привлекательности, упрощает труд и подготовку к труду до такой степени, что дает возможность промышленникам добиваться повышения производительности труда путем широкого использования неквалифицированного (естественно, малооплачиваемого) женского и детского труда. Тем самым рабочий все более и более низводится до рабочей силы, не обремененной ни знаниями, ни умениями, ни квалификацией, ни индивидуальным искусством и т.п.

Использование неквалифицированного труда и сокращение издержек на обучение рабочих значительно удешевляют рабочую силу (этот единственный товар, который может продавать рабочий), приводя первоначально к безудержному удлинению рабочего дня, усилению эксплуатации. Только в результате сначала стихийных, а затем и организованных выступлений рабочих, а также вследствие осознания предпринимателями «оптимальных» пределов эксплуатации труда, не ведущей к окончательной деградации рабочих и

их семей и, соответственно, к резкому падению их работоспособности, появляются законодательные ограничения продолжительности рабочего дня. В условиях этих ограничений все энергичнее начинает применяться новое средство эксплуатации «живых автоматов» — интенсификация труда, которая достигается двумя способами: увеличением быстроедействия, скорости машин и увеличением количества машин, которые находятся под контролем рабочего. Интенсивные формы труда с лихвой компенсируют сокращение рабочего дня и затраты на модификацию машин, а эксплуатация рабочих при этом увеличивается.

Фабричное производство не только превращает рабочих в «одаренные сознанием орудия производства» (К. Маркс), но и лишает всякой цены малопродуктивный труд ремесленника и мануфактурного рабочего. Ускоряющаяся пролетаризация мира труда превращает все новые и новые массы трудящихся в «простую, однородную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков... труд становится трудом, доступным для всех» (Маркс, Энгельс, 1957, с. 458).

Логика развития машинного производства приводит к дальнейшему отчуждению рабочего от трудовой деятельности. Новый качественный этап на этом пути составляет автоматизированное производство.

#### *Автоматизированное производство*

Тенденция к переходу от машинного производства к автоматизированному

в наиболее развитых промышленных странах наметилась уже во второй половине прошлого века: «когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин...» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 392).

Потребность в создании таких автоматических систем обусловлена природой самого машинного производства, которую можно представить как трудовую деятельность, распределенную между быстродействующей и не знающей усталости машиной и преисполненным различными человеческими слабостями рабочим. Однако такой неравноправный союз оказывается обременительным для обеих сторон и начинает тормозить дальнейшее развитие техники (Волков, 1963, с. 178).

Единственный способ разрешения создавшегося противоречия — увеличение степени автоматизации машинного производства, в ходе которой системе машин передаются все новые и новые трудовые функции рабочего. В результате рабочий оказывается не столько «внутри» производства, сколько «рядом» с ним как «контролер и регулировщик» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 213).

Автоматизация производства, ставящая рабочего «рядом» с процессом производства, превращающая его в наблюдателя, контролера и регулировщика, имеет чрезвычайно важное, историческое значение, высвобождая рабочего из тотальной «встроенности» в производственный процесс. Однако одновременно с

этим процесс автоматизированного производства перестает подчиняться непосредственному мастерству рабочего, выступая как технологическое применение науки, а наука остается чуждой рабочему.

Именно это скрывается за тезисом о том, что наука становится производительной силой. С усложнением машин, с превращением их в сложные автоматические системы отчужденность рабочего от средств труда все более усиливается. Относительно простой станок, устройство которого рабочий (при условии достаточно высокой квалификации!) знал, мог отремонтировать и при необходимости как-то модифицировать, все более и более становится достоянием прошлого: «не только рабочий, обслуживающий автоматы, но и цеховой инженер не может здесь что-либо существенно изменить. Судьбы технологического процесса решаются теперь не в самом производстве, а в научной лаборатории» (Кон, 1967, с. 306).

Тот факт, что в сфере современного материального производства неуклонно сокращается доля тяжелого физического, ручного и неквалифицированного труда, может вызвать иллюзию усиливающейся тенденции к стиранию граней между физическим и умственным трудом, иллюзию «побеления синих воротничков». И в самом деле, разве можно увидеть в наладчике автоматизированных линий, в операторе химического автоматизированного производства или операторе современного прокатного стана того жалкого, доведенного жестокой эксплуатацией до почти нечеловеческого существования рабочего-текстильщика

английских ткацких фабрик середины XIX в., о котором писал Ф. Энгельс, или не менее жалкого рабочего-сборщика начала XX в., выжатого как лимон тейлоровской системой НОТ на конвейере автомобильных заводов Г. Форда? Разве не становится труд рабочих более интеллигентным и не исчезает ли сам пролетариат, растворяясь по мере автоматизации производства в среде технической интеллигенции?

Однако факты свидетельствуют о несостоятельности этого предположения, о его иллюзорности. Как ни парадоксально для здравого смысла, факты говорят о прямо противоположном социальном процессе — «посинении белых воротничков», пролетаризации все новых и новых групп работников «интеллигентного труда»: «интеллигенция попала теперь в прямую и более жесткую зависимость от экономической и функциональной оценки содержания и типа продуктов своей деятельности (которая все шире и чаще отливается в формы наемного труда)» (Мамардашвили и др., 1981, с. 377).

Наемный характер труда интеллигенции проступает при этом все более отчетливо в отношении к средствам труда, в снижении уровня жизни, в утрате былого социального престижа их профессий и, наконец, в субъективном отношении к своим профессиям. Общее число лиц наемного труда повсеместно растет, а число представителей так называемых «свободных профессий» столь же неуклонно сокращается. Так, по данным Американской исследовательской ассоциации по проблемам труда, общее число лиц наемного

труда, т.е. лиц с нормированным рабочим днем, получающих заработную плату за определенное количество рабочего времени, увеличилось с 75 до 82% самодеятельного населения в период с 1940 по 1956 г. (Волков, 1963, с. 182), т.е. в годы вызванного войной промышленного бума, повсеместной интенсификации и автоматизации производства. Таким образом, «интеллектуализация труда» пролетариев маскирует пролетаризацию труда интеллигентов.

Развитие автоматизированного производства само по себе не гарантирует ни подлинного освобождения людей от ига труда в производстве, ни овладения ими подлинной наукой и культурой. Более того, вслед за пролетаризацией машинным производством всех слоев общества, занятых физическим трудом, автоматизированное (даже самое современное, полностью автоматизированное) производство способствует пролетаризации работников умственного труда. Вследствие этого все большее число людей, вовлеченных в процесс материального производства, оказывается в положении наемных рабочих, отчужденных от своей трудовой деятельности. Мир профессий как мир рабочей силы расширяет свои границы.

### **Основные тенденции в развитии мира деятельностей и его будущее**

Если бы мы отказались от исторического анализа мира профессий и рассматривали его в статике, то перед нами предстала бы только видимость его развития: процессы

специализации и дифференциации различных видов труда, возникновение новых специальностей и исчезновение старых. Однако общие тенденции развития мира профессий остались бы скрытыми от нас этим пестрым калейдоскопом изменений. Такие тенденции позволяют выявить только исторический (генетический) анализ. В чем же они состоят?

Как мы пытались показать, постепенная смена способов производства приводит к преобразованию целостной трудовой профессиональной деятельности (ремесла) в труд, первоначально представляющий собой последовательность изолированных и закрепленных за отдельными индивидами специализированных операций, а затем — квазиинтеллектуальные функции контроля. Мастер-ремесленник уступает место «частичному» рабочему, который в свою очередь заменяется рабочим-оператором.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить две взаимосвязанные тенденции в развитии мира профессий.

Первая из них состоит в том, что человек вытесняется из сферы материального производства в силу объективной логики развития самого этого производства. Эту тенденцию отмечал еще К. Маркс, когда писал, что рабочий «становится рядом» с процессом производства.

Вторая тенденция заключается в усиливающемся распаде, расщеплении и дегуманизации профессиональных деятельностей и в передаче все большего числа ее отдельных компонентов (операций, функций) различным энергетическим, рабочим и информационным машинам.

Эти тенденции образуют определенное единство, выступаая одновременно и как причины, и как следствия развития материального производства. Они объективно присущи его развитию и реализуются в любых социально-экономических условиях. Но те формы, в которых они реализуются в условиях капитализма и социализма, должны были быть диаметрально противоположны.

Если в условиях капитализма указанные тенденции проявляются как отчуждение труда, то при социализме формой проявления тех же тенденций должно было бы стать уничтожение труда (Маркс, Энгельс, 1955б, с. 65–70, 78, 192; 1974, с. 90–91, 242; 1969, с. 110). Отчуждению труда в материальном производстве при капитализме соответствуют сокращение необходимого рабочего времени и увеличение избыточного рабочего времени. Уничтожению труда при социализме должно было бы соответствовать сокращение рабочего времени в целом.

Конечно, речь идет не о каком-то исчезновении или, тем более, об «уничтожении» труда как такового, а лишь об исчезновении определенных деятельностных форм, поэтому корректнее было бы говорить не об «уничтожении», а о «трансформации» труда.

В связи с этим следует выяснить, что представляет собой «труд». Очень часто понятие труда отождествляется с понятием трудовой деятельности, при этом совершенно не принимается во внимание продемонстрированное К. Марксом их принципиальное различие. Философские и политэкономические исследования К. Маркса хорошо показывают, что

понятие труда может приобрести два противоположных значения: «труд как отчужденное средство заработать на жизнь» и, напротив, «труд как свободное самовыражение индивида» (Кон, 1967, с. 310; Сэв, 1972, с. 465). Для К. Маркса сокращение рабочего времени является основным условием перехода от «царства необходимости» к «царству свободы» (коммунизму) (Маркс, Энгельс, 1962, с. 386–387).

Таким образом, трансформация труда — это объективная социальная потребность, которая вызревает в процессе развития самого материального производства. В условиях капитализма данная потребность обнаруживается в борьбе пролетариата за сокращение рабочего дня, при социализме же реализуется через уничтожение частной собственности на средства производства, при этом в качестве цели общества декларируется всестороннее развитие человека.

В России подобные намерения были декларированы сразу же после Октябрьского переворота: правительственный декрет «О восьмичасовом рабочем дне» был подписан на четвертый (!) день существования советской власти. Во второй программе коммунистической партии, принятой на VIII съезде в 1919 г., были намечены дальнейшие рубежи уничтожения труда: «...РКП должна поставить себе задачей установить... в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения

за труд...» (КПСС в резолюциях..., 1954, ч. 1, с. 429).

Однако этим планам не суждено было реализоваться. Лишь в 1960 г. в СССР была установлена 41-часовая рабочая неделя<sup>5</sup>. В программе компартии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г., был вновь намечен переход к 6- и 5-часовому рабочему дню и установлению в СССР самого короткого в мире и в то же время самого производительного и наиболее высокооплачиваемого рабочего дня (Программа КПСС, 1976, с. 65, 95). Однако дело опять не пошло дальше деклараций. Очевидно, постепенное и целенаправленное уничтожение труда, а также связанное с этим сокращение времени на труд в материальном производстве привели бы к значительному увеличению свободного времени у огромного числа людей. Все это сначала перевернуло бы существовавшее до настоящего времени соотношение труда и досуга — этих современных (отчужденных) форм трудовой деятельности и свободного времени, а затем преобразовало и сами эти сферы жизни. На основе увеличения свободного времени труд как средство к жизни должен был трансформироваться в трудовую деятельность как творческое самовыражение. Досуг как время, свободное от труда, должен был превратиться во время для свободной трудовой деятельности, которое постепенно распространилось бы на все время жизни людей. Поэтому с уничтожением труда должен был

---

<sup>5</sup> Для сравнения: продолжительность рабочей недели в России в 1913 г. составляла 58,5 часа, в 1955 г. — 47,8 часа; продолжительность рабочей недели в США в 1901 г. — 58,4 часа, в начале 1920-х гг. — 50 часов, в 30-е гг. и до настоящего времени — 40 часов (Дубсон, 1980, с. 24–26).

исчезнуть и досуг, и «понедельник стал бы начинаться в субботу» (А. и Б. Стругацкие).

Следует отметить, что именно в таком сокращении и преобразовании сферы труда гуманисты всех времен видели залог действительной свободы человека. Так, в Утопии Т. Мора для труда отводятся только шесть часов в день, а в Городе Солнца Т. Кампанеллы — всего четыре часа; остальное время отдано наукам и искусствам, развитию умственных и телесных способностей. Вспомним, что и Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» преобразует мастерскую Веры Павловны в «лицей всевозможных знаний» за счет сокращения продолжительности рабочего дня, постепенного перехода от материального производства к производству духовному, к образованию и культуре.

Однако в условиях реального социализма основные тенденции развития материального производства были реализованы (так же как и при капитализме) в форме дальнейшего отчуждения труда. Автоматизация материального производства, все более широкое применение достижений науки в сочетании с фиксированной продолжительностью рабочей недели постепенно превращали это производство не только в более эффективное, но и более однородное. Последнее связано с тем, что существующее в настоящее время материальное производство все еще является «многоукладным». Этот ленинский термин вполне применим к современному миру профессий, поскольку сам этот мир возник в результате длительного и неравномерного развития. Разные профессии и разные группы профессий проходи-

ли стадии распада целостной профессиональной деятельности не одновременно, поэтому одни профессии сохраняют в значительной степени характер ремесел, другие обнаруживают черты мануфактурного труда, а третьи — особенности машинного и автоматизированного труда. Это и создает многоукладность материального производства, которая преодолевается путем приближения неразвитых видов труда к наиболее развитым (и, следовательно, наиболее отчужденным!), ремесел — к автоматизированному труду. Отметим, что в СССР собственно автоматизированным трудом даже в такой развитой отрасли материального производства, как машиностроение, в 70-е гг. прошлого века было занято менее 20% рабочих (Антонов, 1977, с. 75).

Итак, развитие современного мира деятельностей до сих пор происходит за счет преодоления его многоукладности, интенсификации самих деятельностей (Сиземская, 1981), что приводит к дальнейшему отчуждению труда и увеличению избыточного рабочего времени.

Когда в свете вышесказанного мы обращаемся к вопросу о выборе профессии, то становится очевидным, что свобода выбора зависит от особенностей труда, от этапа развития мира профессий.

### **Соотношение личности и деятельности в исторической перспективе**

#### *Склонность и отсутствие свободы выбора*

Как уже отмечалось выше, мир ремесел являл собой мир четко



разграниченных и обособленных профессиональных деятельностей, в котором профессионализация начиналась очень рано, а переход от одной профессиональной деятельности к другой был практически невозможен. В силу существовавших на основе такого жесткого разделения труда различных морально-юридических норм и предписаний не только социальная, но и профессиональная принадлежность человека была неотъемлемым качеством его индивидуальности. Более того, сила традиций в мире ремесел была так велика, что профессиональная принадлежность родителей автоматически переходила к их детям. Семейное воспитание было чрезвычайно насыщено элементами очень ранней профессиональной ориентации. Ребенок с самых ранних лет не только видел, как и что делают его родители, но и в меру своих возможностей приобщался к их профессиональной трудовой деятельности. Если же родители решали нарушить семейную традицию и дать своему ребенку другую профессию, то они должны были отдать его в ученики. Как правило, ученик с ранних лет жил отдельно от родителей в доме мастера.

Поскольку процесс вхождения ребенка в определенную профессию начинался очень рано, то почти одновременно с осознанием своего Я человек осознавал себя представителем того или иного ремесла, а выбор профессии не становился проблемой, которую индивид должен был решать самостоятельно. Ее решение оказывалось случайным, поскольку оно принималось другими людьми без ведома и согласия индивида под давлением различных обстоятельств.

По свидетельству Б. Паскаля, «сила обычая такова, что рожденные просто людьми сразу превращаются в людей, обреченных какому-нибудь ремеслу: в одной местности все поголовно каменщики, в другой — солдаты и так далее» (Паскаль, 1974, с. 132).

Второй характерной особенностью был «выбор» целостной профессиональной трудовой деятельности, которая часто становилась ведущим, основным источником развития личности. Повышая уровень мастерства, совершенствуясь в рамках своей профессии, ремесленник не превращался в «частичного» рабочего, а постоянно развивал себя как личность. Такие условия благоприятствовали превращению отношения человека к профессии из желания стать мастером и т.д. в интерес к содержанию и различным профессиональным секретам трудовой деятельности, а затем и в склонность к своей профессии. Этот внутренний процесс личностного развития нашел отражение в высокохудожественных произведениях, впитавших в себя кропотливую деятельность ремесленников Антверпена и Роттердама, Флоренции и Венеции, Брюгге и Лувена, Нюрнберга и Кельна, Толедо и Барселоны. Только на основе подлинной склонности, самоотверженной любви к своей профессии, превращавшейся подчас в истинное призвание, ремесленник мог создавать подлинные шедевры, преисполненные тонкого художественного вкуса и исключительного мастерства. Иногда личность в своем развитии достигала таких высот человеческого духа, что ей становились тесными узкие рамки какой-либо

одной профессии и, сокрушая профессиональные и сословные барьеры, личность обнаруживала свою многосторонность. Эпоха Возрождения стала тем временем, когда мир ремесел достиг своего наивысшего расцвета и подарил мировой культуре таких универсальных личностей, как А. Дюрер, Т. Кампанелла, У. Шекспир, Б. Челлини, Леонардо, Ф. Меланхтон. Очень многие люди такого уровня были выходцами из семей ремесленников: А. Дюрер был сыном золотых дел мастера, Т. Кампанелла — сыном сапожника, Ф. Меланхтон — сыном оружейника.

Итак, выбор профессии в мире ремесел отличался, с одной стороны, отсутствием подлинной свободы выбора, а с другой — возможностью формирования склонности к таким образом «выбранной» профессии, склонности, которая возникала, однако, *post factum* и которая поэтому не могла стать внутренней психологической основой подлинного (т.е. свободного) профессионального самоопределения личности.

#### *Отсутствие склонности и «свобода» выбора*

Капиталистическое преобразование мира ремесел первоначально в мир изолированных трудовых операций, а затем в мир рабочей силы и отдельных трудовых функций обуславливает существенные изменения процесса профессионального самоопределения. Эти изменения затронули как выбор профессии, так и отношение к ней человека.

Процесс распада ремесел как целостных профессиональных деятельностей в ходе возникновения и

развития мануфактурных производств привел к появлению «свободного» рабочего на рынке труда (Маркс, Энгельс, 1955в, с. 152), однако эта возможность (свобода) выбора наиболее привлекательной специальности оказывается лишь теоретической, практически же возможности ограничены классовым, имущественным положением и другими факторами (Кон, 1967, с. 214). В «Капитале» К. Маркс пишет, что капиталистический рабочий свободен в двояком смысле: с одной стороны, он свободен располагать «своей рабочей силой как товаром», но, с другой стороны, он «свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 179).

При машинном производстве такая «свобода» выбора профессии предоставляется не только взрослым, но и детям. Если рабочий мануфактуры продавал свою рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность, то фабричный рабочий продает не только себя, но и своих детей. «В Бентал-Грине, печально известном районе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на котором дети обоого пола с 9-летнего возраста сами отдают себя в наем...» (там же, с. 408).

В мире рабочей силы человек свободнее, чем в мире ремесел, следовательно, и его дети свободны от той связанности с определенной профессией, которая создавалась всем строем жизни ремесленника, всеми морально-юридическими нормами сословного общества. Они имеют формальное право на самоопределение в мире труда, но оно в действительности

оказывается правом самопродажи. Возможность выбора профессии оказывается возможностью дороже продать свою рабочую силу. А.Н. Леонтьев писал, что если человеку в капиталистическом обществе «предоставится возможность выбирать работу, то он окажется вынужденным выбирать не между прядением и тканьем, а прежде всего между более высоким или более низким, более надежным или менее надежным заработком» (Леонтьев, 1983, с. 318). Рынок труда, спрос и предложение на рабочую силу, а не желания и склонности определяют, в конечном счете, выбор труда при капитализме для подавляющего большинства людей.

Действительная свобода рабочего при капитализме — это свобода от подлинной трудовой деятельности, свобода служить объектом эксплуатации.

Отношение к профессиональному труду как лишь к средству существования не может измениться и в процессе труда. Такому изменению препятствует отчуждение целей, продуктов, материалов, средств, а следовательно, и самого процесса труда от рабочего.

В таких условиях возникновение склонностного отношения к профессиональному труду оказывается пресеченным в самом корне. Если же на рынке труда появляется индивид, у которого сформированы устойчивые интересы к определенной сфере труда или склонность к ней, то он, как правило, попадает либо в число

безработных (а именно тех из них, кто не желает менять любимую специальность и поэтому предпочитает жить на пособие по безработице), либо в число неудовлетворенных трудом в профессии, которой он вынужден заниматься, но которую он не любит.

По мере расширения образования трудящихся, к которому капитализм вынуждает современный научно-технический прогресс, число таких «неприспособленных» индивидов увеличивается. Как отмечает Л. Сэв, любовь к своей профессии является определяющим условием сопротивления человека отчуждению труда и в условиях капитализма обычно побуждает человека к жизни-борьбе, направленной на преобразование существующих общественных отношений (Сэв, 1972, с. 528). Фрустрированная любовь к профессии неизбежно вынуждает личность заниматься подлинной деятельностью в мире отчуждения, которой может быть только революционная деятельность (т.е. борьба с отчуждением труда) в ее самых разных формах<sup>6</sup>.

Итак, в мире рабочей силы выбор профессии отличается, с одной стороны, формальной свободой выбора, а с другой, практическим отсутствием возможности реализовать склонность к определенной профессиональной деятельности, а также развить эту склонность в отчужденном труде. Спекуляции разного рода идеологов, выдающих увеличение формальной свободы личности за увеличение ее реальной свободы,

<sup>6</sup> Принципиальное различие классовой борьбы и революционной деятельности, особенно значимое для современной, посткапиталистической эпохи, см. в: Newman, Holzman, 2003, p. 9–11.

лишь еще больше закрепощают людей, ибо, как писал В. Гете: «Верх рабства — не обладая свободой, считать себя свободным» (Гете, 1978, с. 354).

*Склонность и подлинная свобода  
выбора как нереализованная  
возможность*

Социалистические революции XX в., ликвидировавшие частную собственность на средства производства, создали определенные объективные условия для уничтожения труда. В этих условиях сужение сферы труда в материальном производстве и расширение сферы трудовой деятельности (основное условие — сокращение рабочего времени) должны были постепенно преобразовать не только мир профессий, но и процесс профессионального самоопределения. Однако главное изменение в условиях реального социализма состояло в увеличении не просто свободного времени, а времени на образование подрастающих поколений, благодаря чему окончательный выбор профессии постепенно отодвигался на более зрелые (юношеские) годы. Примером такого увеличения времени на образование является переход к всеобщему среднему образованию. В СССР данное изменение было неразрывно связано с потребностью молодежи в высшем образовании. В частности, социологами было подсчитано, что в 1970-е гг. о высшем образовании мечтали 70–80% выпускников средних школ больших городов, т.е. почти вся наиболее развитая молодежь страны (Руткевич, 1977). Между тем лишь 10% этих выпускников могли реаль-

но продолжить свое образование в вузах (Титма, 1974, с. 111). В свое время эта проблема решалась за счет значительных конкурсов при поступлении в вузы. Но вот каким представлял ее единственно верное решение академик П.Л. Капица: «Государство, очевидно, должно будет предоставить всему населению возможность получать высшее образование независимо от того, нужно это для профессии или нет» (Капица, 1971, с. 21).

Увеличение времени на образование, как и свободного времени в целом, должно было способствовать созданию благоприятных субъективных условий для развития разнообразных склонностей к различным видам труда как в материальном, так и в духовном производстве. Становление склонностей до и вне всякой необходимости ранней профессионализации молодежи могло бы гарантировать не только потенциальную, но и реальную свободу выбора профессии. Тем самым было бы реализовано предсказание Ф. Энгельса: в процессе построения коммунистического общества разделение труда исчезнет, «воспитание даст молодым людям возможность переходить от одной отрасли производства к другой в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей» (Маркс, Энгельс, 1955в, с. 335–336).

Развитые склонности и призвания людей, в отличие от неразвитых влечений и потребностей, не могут противоречить интересам общества, поскольку они сами являются единственным способом существования так называемых общественных интересов. Действительные интересы

общества не могут быть ничем иным, кроме как интересами людей. Это отчетливо понимал К. Маркс, когда, еще будучи гимназистом, писал в своем сочинении о выборе профессии, что «человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 4–5).

К сожалению, в СССР труд в разных своих формах продолжал оставаться отчужденным. Со стороны государства процесс сокращения сферы труда был не только остановлен (что прямо противоречило партийным декларациям), но и повернут вспять. Архипелаг ГУЛАГ сделал именно отчужденный труд единственным средством жизни миллионов людей, восстановил и культивировал наиболее рабские, нечеловеческие формы этой отчужденной деятельности. Примечательно, что в краткий период хрущевской «оттепели» (1956–1964) тема сокращения рабочего времени в материальном производстве возникает вновь. Однако дальнейшая общая стагнация в эпоху застоя и последовавшая затем перестроечная легализация капитализма закрыли эту тему окончательно. Весьма симптоматично в данной связи, что в «Империи зла», совершившей свою полную капиталистическую «перезагрузку», гораздо более важными темами оказываются вопросы увеличения продолжительности рабочего дня и рабочей недели, увеличения пенсионного возраста, а слова классиков о том, что «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой

потребностью жизни» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 20), оказываются забытыми.

Тема отчужденного труда в СССР и его влияния на психическую организацию человека еще ждет своих внимательных исследователей, однако можно сказать, что эти отношения не были однозначно простыми и прозрачными. «Трудящиеся» и «труд» находились в сложных, порой драматических и даже эпических отношениях: например, энтузиазм комсомольских строек, освоение целины, восстановление городов и производства после Второй Мировой войны свидетельствуют о том, что смыслополагающие структуры труда, позволяющие «присваивать» его на разных уровнях мотивационных психологических структур человека, даже отчужденный по своей сути труд могут «переинтерпретировать» и встроить в иную смысловую конфигурацию.

Важно отметить, что советское государство во все периоды своего существования очень широко и активно пользовалось разного рода «нематериальным» стимулированием, поощряя разного рода «социалистические соревнования», практикуя награждения почетными грамотами, «красными знаменами» и «орденами за трудовые заслуги», вывешивая фотографии передовых рабочих на «досках почета» и т.д. Эти нематериальные социальные формы мотивирования трудящихся порождали особую форму отношения к труду — труд ради почета, социального признания и престижа. Если рабочие и служащие капиталистического строя в своей массе были мотивированы улучшением личного уровня жизни

и рассматривали труд как средство его достижения, то для советских рабочих и служащих труд был средством получения социального уважения и избегания социального остракизма, которому подвергались «тунеядцы». Слом советского режима привел к тому, что огромная масса трудового населения оказалась не только в психологически чуждой, но и объективно прямо противоположной парадигме отношения к труду.

Если в социальной парадигме трудящийся гарантированно получал возможность участвовать в трудовой деятельности и за этим следили государственные органы на местах в лице ячеек разного уровня, имел стандартную заработную плату и жестко нормированный рабочий день, гарантированную пенсию и определенный срок выхода на пенсию и все эти параметры большинством участников трудового процесса оценивались положительно и рассматривались как показатели стабильности и социальной защищенности, то в капиталистических условиях каждый параметр изменился на прямо противоположный. Другое дело, что и в первом и во втором случае труд для большинства оставался отчужденным в каждом пункте трудового процесса: трудящиеся были отчуждены от средств производства, продукта, получаемой прибыли, возможности влиять на стратегические решения развития предприятия и т.д.

Склонность к труду всегда жила и продолжает жить в человеке. Более того, органическая потребность в труде являлась мощным фактором антропогенеза и даже «на заре человечества была присуща почти в равной

степени всем людям» (Чангли, 1973, с. 76). Лишь в условиях действительно социалистического развития люди могли получить шанс реализовать в масштабах общества понимание того, «что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения» (Маркс, Энгельс, 1974, с. 98). Подлинный социализм — это социальный строй, который призван дать широким массам трудящихся возможность выработать действительное коммунистическое отношение к труду, прямо противоположное «великому почину» (В.И. Ленин) и состоящее в том, чтобы на практике упразднить отчужденный труд посредством планомерного сокращения рабочего времени в материальном производстве. Возможность эта была упущена.

\*\*\*

В данной статье мы наметили важное жизненное противоречие, от успешного разрешения которого зависят психологическое благополучие, личностный рост каждого человека в современном мире. Это противоречие складывается из двух разнонаправленных, противоположных тенденций в развитии жизнедеятельности каждого человека.

Одна из них состоит в прогрессивном развитии «высших уровней человеческой жизни» (С.Л. Рубинштейн). Данная тенденция проявляется в становлении внутренней мотивации, интеграции личности и деятельности, развитии целостной субъектности и, следовательно, в очеловечивании человека.

Другая тенденция состоит в регрессивном развитии самих профессиональных деятельностей в материальном (а отчасти и в духовном) производстве, в превращении трудовых деятельностей в отчужденный труд. Основой такого регресса является дезинтеграция человеческой деятельности, в результате которой целостная субъектность человека вытесняется из сферы материального производства, заменяется все более и более развитыми (мощными, быстродействующими и т.д.) орудиями труда, обеспечивающими небывалый рост производительности труда и производства в целом.

Каждый человек и каждое общество вынуждены так или иначе решать это противоречие. В классовых обществах оно решается фактически в сфере «социального бессознательного», самой расстановкой классовых сил, автоматически обеспечивающей «выбор», результатом которого для подавляющего большинства людей становятся дезинтеграция их деятельности и личностная деградация. Социализм как переход к бесклассовому обществу был призван впервые в истории привести к тому, чтобы решение этого противоречия стало сознательным делом каждой отдельной личности. Оказавшись в ситуации отчетливо осознанного противоречия, реальной жизненной альтернативы: либо расширенное производство вещных богатств, «корыта потребления», либо расширенное производство свободы, свободного от отчужденного труда и отданного трудовой деятельности времени, — каждый человек и каждое общество в целом сделали бы свой выбор. Но ни условие свободы, ни

условие осознанности соблюдены не были. «Труд свободы» (Мамардашвили, 1990, с. 63) не состоялся. Исторический переход к социальному строю, построенному на основе производства свободного времени, «пространства человеческого развития» (К. Маркс), той «ткани», из которой соткана жизнь целостной субъектности человека, все еще остается открытым социальным проектом, однако, на наш взгляд, такой социальный строй является альтернативой реальным капитализму и социализму, чьи исторические перспективы представляются весьма сомнительными.

«Кризис» капитализма является сейчас наживейшей темой в социальных науках, и авторы расходятся только в том, является ли нынешний кризис глобализованного капитализма конечной стадией его развития, за которой последует исчезновение с социально-экономической сцены этой формации как таковой (М. Хазин), или же это всего лишь очередной кризис, за которым бесконечно будут следовать другие, однако сама капиталистическая формация — это единственная жизнеспособная форма (Ф. Фукуяма). При этом создается впечатление, что не существует никакой осмысленной третьей альтернативы двум классическим противоборствующим формациям — капитализму и социализму.

На наш взгляд, вопрос о перспективах дальнейшего исторического развития можно задать иначе: существует ли сейчас и будет ли существовать в дальнейшем тот социальный субъект (класс), который реально заинтересован в переходе от обслуживания своим отчужденным трудом

расширяющейся сферы материального потребления к внутренне мотивированной трудовой деятельности? Такой класс существует, его принято называть «средним классом».

Именно этот класс является генератором новых «точек роста» глобализованного сообщества, именно он обладает достаточным самосознанием и самоорганизацией, чтобы противостоять отчуждению на всех его уровнях. Поэтому вопрос о преодолении отчуждения – это вопрос о жизнеспособности «среднего класса», представители которого все меньше хотят быть наемными рабочими, а все больше хотят быть собственниками – и не только материальных благ, но и своих политических и гражданских прав, культурных и духовных сил.

В настоящее время глобальный мир переживает очень важный и очень опасный период: будет ли «средний класс» утвержден в нем как субъект свободы или же он по-прежнему будет распадаться на две фракции – торгующих своим трудом и присваивающих чужой труд, на капиталистов и наемных рабочих как вечных антагонистов. Иными словами, «средний класс» со временем будет либо истощен новой поляризацией, либо из «среднего» станет «центральным», в виде гражданского общества, члены которого будут связаны между собой «горизонтальными» свободными трудовыми деятельностями. Становление этого класса неизбежно ведет к распаду привычного иерархически организованного мира «труда и капитала», поляризованного, неравноправного и по сути своей антагонистического.

Можно по-разному относиться к возникшей сейчас в разных странах волне революционных и протестных движений, однако бесспорно, что их важной психологической движущей силой является борьба молодых представителей «среднего класса» за «присвоение» своих отчужденных политических, гражданских, экономических, культурных прав и свобод.

Еще одним проявлением данной тенденции, еще одной «точкой роста» «нового среднего класса» является, на наш взгляд, дауншифтинг, постепенно становящийся из эпизодического явления массовым движением. Сокращение рабочего времени в сфере отчужденного труда в советском государстве так и осталось пустой декларацией партийной номенклатуры. Сокращение рабочего времени в сфере отчужденного труда в современных наиболее развитых капиталистических странах выступает как дауншифтинг, когда сами люди, имеющие хорошее образование, высокий социальный и экономический статус, обладающие высоким уровнем самоорганизации и активности, реализуют в своей индивидуальной жизни новую социальную перспективу. Метафорически говоря, если повышение уровня жизни можно рассматривать как действие «социального лифта» (П. Сорокин), то дауншифтинг можно рассматривать как своего рода «социальное колесо», которое формирует «новый средний класс». Оно перемещает находящихся на относительно более высоких социальных уровнях людей на относительно более низкие уровни без потери ими своего психологического статуса образованных и успешных людей (т.е. без маргинализации, психопатизации,



аутизации, ухода в разного рода разрушающие наркотические зависимости и т.п.). Одновременно оно пополняет новыми людьми «старый средний класс». Начавшиеся исследования в этой области (Бутонова, 2009; Мащенко, 2010; Chhetri et al., 2009; Chhetri et al., 2009; Craig-Lees, Hill, 2002; Drake, 2000; Elgin, 1998; Gandolfi, 2005; Gandolfi, Cherrier, 2008; Ghazi, Jones, 2004; Hamilton, 2003; Hamilton, Breakspear, 2004; Hamilton, Mail, 2003; Juniu, 2000; Salt, 2001; Saltzman, 1991; Schor, 1998; Tan, 2000; Turns in the road,

2001) показывают: дауншифтинг как набирающее силы массовое социальное движение может уже в ближайшем будущем привести к образованию принципиально нового социального класса, являющегося реальной альтернативой как капиталистам, так и наемным рабочим.

Описанный нами открытый социальный проект может стать ориентиром для развития критической психологии — новой психологической дисциплины, занимающейся инновационными социально-психологическими конфигурациями.

## Литература

*Антонов Н.А.* К вопросу о сущности современной профессиональной ориентации молодежи // Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР. Таллинн: АН ЭССР, 1977.

*Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.

*Баумгартен Ф.* Психотехника. М.: Гостехиздат, 1926.

*Бутонова Н.В.* Дауншифтинг: новое правило — отказ от всяческих правил // Новые традиции: Коллективная монография. СПб.: Петрополис, 2009. С. 169–176.

*Волков Г.* Эра роботов или эра человека? // Новый мир. 1963. № 2. С. 178–188.

*Гете И.В.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6: Романы и повести. М.: Художественная литература, 1978.

*Гоголь Н.* Повести. Пьесы. Мертвые души. М.: Художественная литература, 1975. (Библиотека всемирной литературы; Т. 75).

*Грушин Б.* Свободное время. М.: Мысль, 1967.

*Дубсон Б.И.* Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1980.

*Капица П.Л.* Некоторые принципы творческого воспитания и образования современной молодежи // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 16–24.

*Кларед Э.* Профессиональная ориентация, ее проблемы и методы. М.: Вопросы труда, 1925.

*Кон И.С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1954. 4.1.

*Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.

*Липман О.* Выбор профессии. М.: Вся Россия, 1923.

*Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5.

*Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1990.

Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Самосознание мыслителя в классической и современной буржуазной философии // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1955а.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955б.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955в.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1957.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. М.: Политиздат, 1962.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат, 1969.

Мащенко О.А. От стресса и денег... к чему? // Управление человеческим потенциалом. 2010. Т. 3. № 23. С. 254–259.

Михайлов И.В. Проблема профессиональной зрелости в трудах Д.Е. Сьюпера // Вопросы психологии. 1975. № 5.

Орлов А.Б. Склонность и профессия. М.: Знание, 1981.

Паскаль Б. Мысли // Ларошфуко Ф. Максимумы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. (Библиотека всемирной литературы.; Т. 42).

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1976.

Руткевич М.Н. Роль социально-профессиональной ориентации молодого поколения в изменении социальной структуры советского общества // Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР. Таллинн: АН ЭССР. 1977.

Сиземская И.Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М.: Политиздат, 1981.

Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.

Титма М.Х. Социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1974.

Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975.

Укке Ю.В. Разработка психологических проблем профессиональной ориентации в США // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 170–179.

Чангли И.И. Труд. М.: Наука. 1973.

Bird L. Towards a more critical educational psychology // Annual Review of Critical Psychology. 1999. 1. 21–33.

Chhetri P., Khan A., Stimson R., Western J. Why bother to «downshift»? The characteristics and satisfaction of downshifters in the Brisbane-South East Queensland region, Australia // Journal of Population Research. 2009. 26. 51–72.

Chhetri P., Stimson R., Western J. Understanding the downshifting phenomenon: a case of South East Queensland, Australia // Australian Journal of Social Issues. 2009. 44. 4. 343–360.

Craig-Lees M., Hill C. Understanding voluntary simplifiers // Psychology and Marketing. 2002. 19. 2. 187–210.

Dafermos M., Marvakis A. Critiques in psychology — Critical psychology // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 1–20.

*Drake J.D.* Downshifting: How to work less and enjoy more. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2000.

*Elgin D.* Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich. N.Y.: William Morrow Books, 1998.

*Gandolfi F.* Downshifting: Quitting the rat race // Human Resources Magazine. November, 2005. P. 20–21.

*Gandolfi F., Cherrier H.* Downshifting: A theoretical and practical approach to live a simplified life. Hyderabad: The ICFAI University Press, 2008.

*Ghazi P., Jones J.* Downshifting: the best selling guide to happier, simpler living. L: Hodder Mobius, 2004.

*Hamilton C.* Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper № 58. Canberra: The Australia Institute, 2003.

*Hamilton C., Breakspear C.* Getting a life: Understanding the downshifting phenomenon in Australia. Discussion paper № 62. Canberra: The Australia Institute, 2004.

*Hamilton C., Mail E.* Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper № 50. Canberra: The Australia Institute, 2003.

*Juniu S.* Downshifting: regaining the essence of leisure // Journal of Leisure Research. 2000. 32. 1. 69–73.

*Mentitis M.* Rebel pathologies: From politics to psychologisation... and back // Annual Review of Critical Psychology. 2010. 8. 217–236.

*Newman F., Holzman L.* All Power to the Developing! // Annual Review of Critical Psychology. 2003. 3. 8–23.

*Parker I.* Critical psychology and critical practice in Britain // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 89–100.

*Salt B.* The big shift: welcome to the third Australian culture. Sydney: Hardie Grant Books, 2001.

*Saltzman A.* Downshifting: Reinventing success on a slower track. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1991.

*Schor J.B.* The overspent American: Upscaling, downshifting and the new consumer. N.Y.: Basic Books, 1998.

*Sloan T., Austin S., Warner D.N.* Critical psychology in the belly of the beast – Notes from North America // Annual Review of Critical Psychology. 2006. 5. 42–51.

*Tan P.* Leaving the rat race to get a life: A study of midlife career downshifting: Doctoral thesis. Melbourne: Swinburne University of Technology, 2000.

Turns in the road: Narrative studies of lives in transition / D.P. McAdams, R. Josselson, A. Lieblich (eds). Washington, DC: American Psychological Association, 2001.